

КРИСТИНА ПОПОВА

Анархистская антропология в действии

Рецензия на книги: Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015;

Гребер Д. Фрагменты анархистской антропологии. М.: Радикальная теория и практика, 2014.

В конце 2014 года в рамках издательской программы «Ад Маргинем Пресс» и Музея «Гараж» в России вышла книга американского антрополога Дэвида Гребера «Долг: первые 5000 лет истории»¹. Масштабное исследование строится вокруг генезиса понятия долга в целом и моральных ограничений рыночной экономики, в частности, затронутых Карлом Полањи (2002) и до сих пор остающихся в центре дискуссий между экономистами и социологами. Однако работа Гребера не сводится к высказыванию в рамках экономической социологии. Она сочетает в себе элементы антропологического исследования, моральной и (в меньшей степени) политической философии и имеет вполне определенную цель — убедить сомневающегося читателя в справедливости анархистских воззрений автора. Гребер обращается не только и не столько к коллегам по академическому цеху, сколько к обычному человеку, ощущающему социальные издержки существующей экономической системы, но по-прежнему уверенному, что «каждый должен выплачивать свои долги» [с. 7]. Этого воображаемого читателя представляет сотрудница НКО, спор с которой Гребер приводит в первой главе.

295

Попова Кристина Александровна — студентка 2 курса магистерской программы Фундаментальная социология МВСШЭН и РАНХиГС, бакалавр прикладной политологии (НИУ ВШЭ). E-mail: broxa.christine@gmail.com
Kristina Popova — BA in political sciences (NSU HSE), student of MA in Sociology program at MSSSES/RANEPА. Research interests: critical sociology, social anthropology. E-mail: broxa.christine@gmail.com.

- 1 В США книга впервые появилась на три года раньше и с тех пор переиздавалась дважды (выходила в 2011, 2012 и 2014 гг.).

Автор не считает, что нужно разделять политические убеждения, общественную деятельность и науку. Это хорошо заметно в «Долге», но еще ярче выражено в другой работе — «Фрагменты анархистской антропологии», которая вышла на русском языке в 2014 г. (на языке оригинала книга появилась в 2004 г.). Этот текст можно рассматривать как вступление к более поздним исследованиям Гребера, в том числе — к «Долгу». Кратко рассмотрим, какие идеи Гребер вкладывает в концепцию анархистской антропологии, чтобы оценить, как они разворачиваются в «Долге».

Принципы параллельной науки

По Греберу, анархистская антропология предназначена для теоретической поддержки активистов, которые сталкиваются с «реальными проблемами» [с. 11]. У теории есть два отправных пункта: во-первых, нужно представить, что «другой мир возможен», т. е. возможно общественное устройство без государства и капитализма. Во-вторых, задача антропологов должна состоять в том, чтобы найти и предъявить альтернативные модели общественного устройства, на которые активисты могут ориентироваться на практике.

296

Антропология по Греберу может служить аргументом в споре со скептиком, уверяющим, что анархические общества не существовали и не могут существовать, но только в случае, если удастся убедить «скептика» в ряде вещей, уже долгое время составляющих предмет спора в антропологии и социальных науках. Гребер пишет, что скептики не видят примеров альтернативного общественного устройства потому, что отождествляют общество с населением национального государства (так делает и классическая социология начиная с Конта и Дюркгейма). Общества, хотя бы частично напоминающие идеал анархистов, под этот критерий не могут попасть по определению; поэтому Гребер настаивает, что общества могут принимать любую форму («союзов, сетей, проектов» [с. 35]).

Гребер также стремится уйти от эволюционистского взгляда, согласно которому примитивные общества кардинально отличаются от современных, настаивая, что никакого фундаментального прорыва в современных обществах не произошло. Напротив, он показывает, что примитивные общества часто знают о последствиях чрезмерного усиления централизованной власти и сознательно ограничивают ее, поддерживая определенные моральные ограничения.

Наконец, Гребер полагает, что современные общества могут перенять опыт «анархистских революций» у так называемых примитивных обществ. Однако для этого нужно пересмотреть представление о революции, которая не обязательно имеет форму государственно-

по перевороту и вооруженного сопротивления. Она может происходить постепенно, напоминать бегство или игнорирование правил, хотя внешне символика господства сохраняется¹.

Эти и иные идеи Гребер последовательно развивает в «Долге». Напомню, что анархистская антропология сознательно неакадемична. Однако в этом тексте я постараюсь уделить особое внимание тем идеям, которые для автора выглядят побочными, но важны для академической антропологии.

Пять тысяч лет

Исследование долга начинается с проблемы «нравственной путаницы»². По Греберу, представления о долге основаны на двух противоречивых положениях: « (1) выплата денег, взятых в долг, — это вопрос элементарной порядочности и (2) всякий, кто имеет обыкновение давать деньги взаймы, есть воплощенное зло» [с. 14]. С точки зрения Гребера, путаница возникает в результате перевода нравственных отношений на язык рынка. Деньги превращают обязательство в долг, который может быть точно измерен, а после этого вынесен за рамки иных социальных отношений, связывающих должника и кредитора. Такое превращение напрямую связано с насилием, которое создает институты государства и рынка, определяет представления о свободе, нравственности и обществе.

297

Также в начале книги сразу вводится важная для Гребера идея, согласно которой в появлении виртуальных денег в наше время нет ничего необычного — исторически первые деньги были кредитными. «История имеет тенденцию двигаться то к периодам преобладания золота и серебра, которые считались деньгами, то к периодам, когда деньги были лишь абстракцией, виртуальной расчетной единицей» [с. 23]. Разница состоит только в том, что раньше существовали институты, которые защищали, не позволяя «выжимать все до копейки». В новой эпохе кредитных денег все наоборот: функционируют институты, цель которых — защищать кредиторов (например, МВФ) [с. 23]. Тезис призван доказать, что кардинальных изменений в современной экономической системе по сравнению с экономикой Древнего мира не произошло.

1 Странно, что в этом месте Гребер не упоминает Джеймса Скотта [1998], опи- сывавшего схожие феномены.

2 Гребер уже на второй странице отмечает, что вопрос о том, нужно ли возвращать долги, является вопросом нравственным, а не экономическим, таким образом, «отвоевываая» проблемное поле у представителей экономической науки.

Поскольку история долга по Греберу — история денег, требуется разобратся с их происхождением. Автору важно разоблачить два мифа: о меновой торговле и изначальном долге, поскольку оба предполагают, что в основе человеческих отношений лежат отношения обмена.

Миф о меновой торговле («...однажды была меновая торговля. Это было неудобно. Поэтому люди изобрели деньги. Потом стало развиваться банковское дело и кредит» [с. 32]) по Греберу не состоялся. Ни одно древнее общество не строилось на обмене, потому что обмен предполагает отношения между чужаками т. е. ситуацию недоверия. В аргументации автор опирается на исследования антропологов, в частности, Кэролин Хамфри.

Кредитная (или хартальная) теория денег Греберу ближе, поскольку акцентирует роль правительства в появлении денег и рынков. Однако у нее есть свой миф, объясняющий по какому праву государства собирают налоги: «правительства могут использовать налоги для создания денег потому, что они стали хранителями долга всех граждан друг перед другом» [с. 59]. Гребер указывает, что здесь есть расхождения с историческими данными. С его точки зрения, «представление о том, что есть нечто под названием общество, что мы в долгу перед ним, что правительства могут говорить от его имени, что его можно представить в виде своего рода Бога — все эти идеи появились приблизительно во время Французской революции или сразу после нее» [с. 73]. Заметим, здесь он не отрицает историческую динамику.

298

Таким образом, миф о меновой торговле и об изначальном долге — две стороны одной медали. В крайней форме, как продемонстрировал Ницше, они могут быть сведены к посылке, что «купля и продажа сами по себе предшествуют любой другой форме человеческих отношений» [с. 79]. Мифы говорят на языке рынка, но, как показывает Гребер, на языке рынка и долга говорят и все мировые религии, хотя они выступали в пользу списания долгов.

Оспорив конкурирующие взгляды на природу человека, автор переходит к изложению своей антропологии. Как он показывает на примере охотника-эскимоса, склонность к расчетам — лишь одна из многих человеческих склонностей, она не лежит в основе человеческой природы. Утверждая, что обмен — не единственная нравственная логика, Гребер спорит с Марселем Моссом, который сводил экономику дара к понятиям долга, а также с концепцией взаимности в теориях Джорджа Хоманса и Клода Леви-Стросса. Однако не все отношения основаны на взаимности и долге. Гребер приводит (довольно слабый¹) аргумент. Например, выплатить долг родителям

1 Несколькими страницами позже автор сам признает, что «взаимность — главная форма нашего представления о справедливости» [с. 117] и даже ком-

невозможно и скорее всего не нужно, потому что выплатить долг — значит разорвать отношения. Кроме обмена, существуют еще два типа отношений, которые Гребер называет коммунизм и иерархия.

Коммунизм — это отношения, основанные на принципе «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Он пронизывает любые, в том числе современные общества, примером могут служить мелкие жесты вежливости (дать сигарет незнакомцу, подсказать дорогу и т. п.). Коммунизм не предполагает подсчетов и того, что другой обязательно вернет услугу, но основывается на предположении, что «другой мог бы сделать для вас то же самое» [с. 103]. Другими примерами для Гребера служат гостеприимство или применение неравновесной цены (когда с богатых берут большую стоимость, просто потому что они богаты и могут себе позволить платить больше).

Обмен предполагает равенство: равенство сторон, вступающих в такие отношения, и равенство обмениваемых товаров. Его отличительной чертой является безличность — «не имеет никакого значения, кто нам что-то продает или что-то у нас покупает» [с. 106]. Он также требует минимального доверия и может осуществляться между чужаками. Долг возникает между людьми, которые потенциально равны друг другу, временно оказались в неравном положении. Долг — это обмен, который не завершен до конца, пока он не завершен, отношения между сторонами остаются иерархическими. Но долг обязательно может быть выплачен, если его нельзя выплатить — это нечто иное.

299

Иерархия, наоборот, не предполагает никакого равенства, одна сторона явно превосходит другую. В отличие от обмена он основывается не на взаимности, а на прецеденте. Например, «завоевание, грубая сила обретают форму не хищнических, а нравственных отношений, в рамках которых сеньоры обеспечивают защиту, а сельские жители — их существование» [с. 112]. Примерами иерархических отношений могут быть грабеж или благотворительность.

Гребер настаивает на качественных различиях между тремя формами, но признает: мы постоянно перемещаемся между ними; ком-

---

мунистические отношения могут разрушиться, если одна сторона слишком активно пользуется щедростью другой. В чем же тогда заключается несостоятельность теории взаимности? Кроме того, в духе Гребера хочется возразить, что и отношения с родителями частично строятся на взаимности: например, они обычно предполагают, что выросший ребенок готов поддерживать своих детей так же, как это делали его родители. Не говоря о том, что мораль закрепляет за детьми обязанность «поднести стакан воды в старости», а закон обязывает совершеннолетних детей платить алименты нетрудоспособным родителям.

мунизм и взаимопомощь легко могут перейти в неравенство, если одна сторона обладает серьезным преимуществом в ресурсах. Это связано с тем, что «взаимность — главная форма нашего представления о справедливости» [с. 117].

Из первых пяти глав не очевидно, чем в принципе плох долг и современное общество, основанное на долге. В шестой и седьмой главе «Долга» Гребер показывает, что основная проблема заключается в том, что в конечном счете рыночная экономика построена на насилии. Сначала автор доказывает, что в «примитивных» (безгосударственных) обществах функция денег отличалась от сегодняшней: они использовались для налаживания отношений, а не покупки товаров. Гребер называет их «социальными деньгами», а экономики, в которых имели хождение такие деньги — «человеческими», поскольку главным в них были отношения между людьми, а не накопление богатства. Как он показывает на многочисленных примерах, в таких обществах деньги служили способом признать наличие долга, который нельзя выплатить (чаще всего долга за человеческую жизнь, стоимость которой в «человеческих экономиках» возместить невозможно). По мнению Гребера, такая система похожа на кредитную, но долговые отношения связывают не людей и общество, а людей между собой. Скорее «общество» в данном случае «состоит из наших долгов» [с. 141] в том смысле, что они выступают своего рода сетью, связывающей людей.

300

«Человеческие экономики» по Греберу выгодно отличались от «торговых» экономик того времени тем, что там не было рабства и каждый человек считался уникальной ценностью¹. Однако и они предоставляли возможность в единичных случаях торговать людьми. Ссылаясь на исследования Мэри Дуглас, Гребер пишет, что это позволялось лишь в случае с пленниками и представителями других деревень, которые были выключены из сложной сети межличностных отношений. Человеческая жизнь начинала считаться эквивалентной определенной сумме денег, только когда возникает возможность применения насилия, позволявшего вырвать человека из социальных отношений.

«Человеческие экономики» африканских народов легко могли сломаться после взаимодействия с торговыми экономиками. Например, народ тив это хорошо понимал и предпринимал усилия, чтобы избежать перехода к рыночным отношениям. Сдерживающей силой служили мифы и поверья, осуждавшие чрезмерное бо-

1 Такая точка зрения значительно отличается от традиционных взглядов антропологов на различия между примитивными и современными обществами.

гатство и основанные на реально происходивших вокруг событиях, связанных с работоторговлей. Автор не развивает эту идею, и из его кратких рассуждений сложно получить ответы на вопросы, как или кем — сознательно — формируется миф.

Чтобы проиллюстрировать постепенную коммодификацию человека, Гребер прослеживает историю формирования понятий «честь и свобода». Как и в случае с долгом, существует честь в смысле «человеческой экономики»: выполнение обязательств перед другими и честь, основанная на насилии, «честь как прибавочное достоинство», основанное на лишении чести других людей [с. 175]. Честь во втором смысле — это, по сути, точно измеренная цена за оскорбление человеческого достоинства, которое в рыночных экономиках можно купить и продать. Та же проблема возникает с понятием «свободы», когда она начинает считаться «собственностью», которую соответственно можно продать [с. 211–202]. Отказываясь от такого понимания свободы как безнравственного, Гребер отвергает построенные на нем концепции, в том числе идею общественного договора Томаса Гоббса и Джона Локка.

В восьмой главе, завершив представление теории генезиса рынков, денег и кредита, Гребер переходит к своей концепции истории: «только поняв схему, действовавшую в прошлом, мы сможем осознать те исторические возможности, которые имеются в настоящем» [с. 218]. История, по его мнению, развивается циклически: периоды доминирования кредитных денег чередуются с периодами преобладания золота и серебра. Циклы прямо связаны с уровнем насилия и существованием рабства: «кредитные системы преобладают в периоды относительного социального мира или в сетях доверия..., а в периоды войн и грабежей им на смену приходят драгоценные металлы» [с. 219]. В последующих главах автор подробно анализирует эти периоды¹.

Особого внимания заслуживает глава заключительная, где автор рассматривает принципы, на которых строятся экономические отношения в настоящее время. По Греберу, наша эпоха — пока? — принципиально отличается от всех предыдущих. По логике истории периоды кредитных денег предполагают «отход от войн, строительства империй, рабства и долговой кабалы», а также создание институтов защиты должников. Но «до настоящего времени мы наблюдали процесс, ровно противоположный этому» [с. 378]. Исходя из этого, автор предполагает, что ситуация должна измениться, но не дает точных прогнозов.

1 Существует краткий пересказ исторической части исследования, принадлежащий самому автору [Гребер, 2013].

Значение анархистской антропологии

Исследуя историю долга, Гребер последовательно реализует принципы, озвученные во «Фрагментах анархистской антропологии». Во «Фрагментах...» он в числе прочих наметил две перспективные области исследований: создание новой теории капитализма и теории опыта неотчужденного взаимодействия [с. 61, 65]. Именно эту задачу Гребер в целом удачно решает. Более того, «Долг» можно считать успешной книгой, поскольку она созвучна авторской установке, согласно которой анархистская антропология должна помогать решать «реальные проблемы» (но не указывать, каким именно образом). В США она вышла в 2011 году и стала популярна у активистов движения *Occupy Wall Street*. Перевод на русский выходит в разгар экономического кризиса и звучит по меньшей мере злободневно. Другой вопрос — насколько убедительно?

302 Серьезных логических противоречий авторская концепция долга не содержит. Основные положения теории в целом не требуют от читателя изначального согласия с анархистскими взглядами. Недоумение вызывает лишь утверждение, что общество не может быть основано на отношениях обмена, если только это не общество, где «каждый был бы в шаге от того, чтобы вцепиться в глотку другому» [с. 37]. Гребер связывает это с тем, что обмен предполагает обман — каждая сторона пытается получить максимум выгоды за счет другой. Конечно, это невозможно, если стороны связывают иные отношения, кроме торговых. Возможно, для анархиста это очевидно, но почему нельзя предположить, что торговля между членами общины может проходить честно и сдерживаться моральными обязательствами? Впрочем, поскольку автор доказывает, что обмен не является первичным отношением между людьми еще и на материалах этнографических исследований, это возражение не является критичным для его концепции.

Другая часть важных для Гребера идей кажется более спорной. Например, Гребер фактически ставит знак равенства между наемным трудом и рабством прошлых столетий. Если работа или труд имеют собственную ценность, такой ход вряд ли можно считать приемлемым. В целом, изложив основную идею, Гребер начинает пренебрегать аргументацией. Утверждения, что расизм был придуман сторонниками торговых экономик для оправдания рабства и в России после развала СССР государственный принудительный аппарат был восстановлен под влиянием мирового капитализма, возможно, и соответствуют действительности, но явно требуют подробного обоснования.

К концу книги появляется ощущение, будто Гребер успешно решает свое анархистское уравнение с известным результатом

(капитализм=зло), по необходимости подставляя недостающие значения переменных (деньги, насилие, религии, патриархальное устройство, расизм). Если говорить в целом, восприятие книги с практической точки зрения, как это задумано в анархистской антропологии, требует от читателя готовности радикально пересмотреть взгляды и быть готовым к Большим переменам. Иначе его ждет разочарование: «никаких решений, кроме как простить долги и начать жить по-новому, автор не предлагает» [Уржумцев, 2015].

Наконец, самый важный в нашем случае вопрос — может ли анархистская антропология быть полезна миру академической антропологии. На мой взгляд, ответ утвердительный. Интерес представляет прежде всего идея несводимости межличностных отношений к обмену, которая работает в том числе против концепции М. Мосса об «экономике дара». Очевидно, антропологии нужны понятия, описывающие другие формы отношений. К сожалению, Гребер не берет на себя их разработку, и заниматься ею придется кому-то другому за пределами анархистской антропологии.

Библиография

Гребер Д. (2013) *Долг первые 5000 лет*. Послезавтра. 29 января (<http://poslezavtra.be/Economy/2013/01/29/dolg-pervye-5000-let.html>).

Грэбер Д. (2014) *Фрагменты анархистской антропологии*, М.: Радикальная теория и практика.

Полань К. (2002) *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*, СПб: Алетейя.

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства*, М.: Университетская книга.

Уржумцев А. (2015) «Долг» Дэвида Гребера: почему никто никому ничего не должен. Афиша-Воздух. 2015. 10 февраля. (<http://vozduh.afisha.ru/books/dolg-devida-grebera-pochemu-nikto-nikomu-nichego-ne-dolzhen/>).

References

Graeber D. (2013) *Dolg pervye 5000 let*. [Debt: The First 5000 years] Poslezavtra, January 29 (<http://poslezavtra.be/Economy/2013/01/29/dolg-pervye-5000-let.html>).

Graeber D. (2014) *Fragments of an anarchist anthropology*. Moscow: Radikal'naiia teoriia i praktika.

Polanyi K. (2002) *Velikaia transformatsiia. Politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni*. [The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time] St. Petersburg: Aletheia.

Scott J. (2005) *Blagimi namereniiami gosudarstva* [Seeing Like a State]. Moscow: Universitetskaiia kniga.

Urzhumtsev A. (2015) «*Dolg*» *Devida Grebera: pochemu nikto nikomu nichego ne dolzhen* [David Graeber's «Debt»: Why Nobody Owes Nothing]. Afisha.-Vozdukh. February 10. (<http://vozduh.afisha.ru/books/dolg-devida-grebera-pochemu-nikto-nikomu-nichego-ne-dolzhen/>).